

SENNACHERIB AND THE COUNTRIES OF SOUTH-EASTERN ASIA MINOR

A. A. Krasova

The author presents a reconsideration of sources and scholarly opinions on course of events in South-Eastern Asia Minor under Sennacherib and gives his reconstruction as following: after an anti-Assyrian revolt in Tabal (and, possibly, neighbouring areas including Til-Garimmu whose ruler Gurdi can be hypothetically identified as the «Kulummean» involved in Sargon II's death) and an ill-fated Sargon's attempt to suppress it (705 BC) the main part of Assyrian possessions in Anatolia (Tabal, Kasku, north-western part of Melid-Kammanu with Til-Garimmu which became a centre of a new political unit, Hilakku and Que) gained independence from it. Assyria still kept Melid itself, Kummuh, Gurgum and Sam'al and between 705 and 702 BC restored its control over Hilakku and Que; nevertheless Hilakku was lost again as a result of a large rebellion in Cilicia in 696 BC (the «communication with Que» cut temporarily by rebels according to Sennacherib's text is to be identified with sea communication between Syria and the ports of Que). Til-Garimmu was conquered by Assyrians in 695 BC but soon lost together with Melid itself after Sennacherib's death. On the whole Sennacherib's strategy was to keep Assyrian control over the Cilician Plain and Melitene and to give all the further territories to the North (at Taurus Mountains and beyond) to their own fate.

© 2010 г.

С.В. Лаптев

ИСТОРИЯ ЦАРСТВА ВЬЕТ: ДАННЫЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Изучение ранней истории народов, известных по источникам как *батьвьет* («множество вьетов»), имеет большое значение не только для выяснения прошлого предков вьетнамского народа и народов, проживавших на территории юга Китая до появления там китайцев, но и для объяснения накопленного к настоящему времени значительного археологического материала блестящих культур и цивилизаций в районе Янцзы и к югу от нее, таких, как Хэмуду, Линцзятань, Лянчжу, Таньшишань, Учэн, курганная культура царства Вьет (Юэ).

Как показали археологические раскопки начиная с 1970-х годов, активизировавшиеся со второй половины 1980-х годов, этот регион дал жизнь ряду передовых для своего времени культур. Прежде всего, юго-восточная часть современного Китая – один из наиболее ранних центров производства керамики в мире и, пожалуй, наиболее ранний район производящего рисоводческого хозяйства. 7000–5000 лет до н.э. здесь существовала развитая земледельческая культура Хэмуду с очевидными следами классового расслоения и специализации труда. В III – первой половине II тыс. до н.э. к югу от устья Янцзы была распространена культура Лянчжу, известная прежде всего благодаря богатейшим некрополям, с сотнями высокохудожественных украшений из нефрита, изготовление которых требовало наличия

высокотехнологических знаний, все попытки реконструкции которых в современном мире пока не удаются. В последние годы начинают выявляться структура поселений, крупные ирригационные сооружения, иерархия некрополей¹. Культура Лянчжу оказывала влияние на обширную территорию – от южных границ п-ва Шаньдун, близ устья Хуанхэ до Гуандуна недалеко от современной границы Вьетнама, где появляются местные подражания Лянчжу в материальной культуре. Во второй половине II тыс. до н.э. центр цивилизации перемещается ближе к среднему течению Янцзы, где в это время существует государство с центром на городище Учэн, унаследовавшее некоторые черты материальной культуры Лянчжу и создавшее свою оригинальную бронзовую культуру. Из Учэна до нас дошли знаки местной письменности, имевшей истоки в Лянчжу, однако какие-либо ключи к прочтению учэнских надписей, иногда достаточно длинных, на настоящий момент отсутствуют, так как внешне их знаки непохожи на китайскую иероглифику государства Шан².

В начале I тыс. до н.э. политическая картина на этой территории снова меняется. Учэнское государство исчезает, а его центр приходит в полное запустение. В то же время на его окраинах появляются государства, определявшие жизнь региона на протяжении I тыс. до н.э., вплоть до завоевания их в III в. до н.э. царством Цинь, располагавшимся в верховьях Хуанхэ. В среднем течении Янцзы возникает государство Чу, а в устье Янцзы – У и Юэ (Вьет).

В отличие от рано синизировавшихся У и Чу государство Вьет до конца сохраняло свои собственные традиции, религиозные верования и наследие предшествующих культур устья Янцзы в материальной сфере. В то же время, соприкасаясь с китаизировавшимся У и государствами древних китайцев, царство Вьет стало звеном, соединяющим народы «донгшонской культурной общности»³ материковой и островной Юго-Восточной Азии с китайской цивилизацией. Царство Вьет оказало влияние на формирование государственности к югу, на Донгвьет и Намвьет (последнее является непосредственным предком вьетнамской государственности). Таким образом, исследование древней истории царства Вьет необходимо для понимания развития не только цивилизации Нижнего Янцзы, но и Вьетнамского государства.

На основе данных археологии мы можем реконструировать материальную культуру царства Вьет и судить об эволюции общества и экономике, однако его духовная культура и политическая жизнь по археологическим материалам не восстанавливаются. В этом случае привлечение письменных источников дополняет археологический материал, который является, на наш взгляд, основным крите-

¹ Об этом подробно в кн.: *Лантев С.В.* Предыстория и ранняя история народов вьет: археология Нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. Т. I–III. М., 2006–2007. Т. I. С. 37–130.

² Там же. С. 205–216.

³ Понятие донгшонской культурной общности, так называемой «донгшонской цивилизации», было предложено австрийским искусствоведом Р. Хейне-Гельдерном, развито американским археологом В. Солхеймом II и поддержано большинством археологов и историков Юго-Восточной Азии, включая У. Мичема, Д.В. Деопика, Имамура Кэйдзи и др. Идея Солхейма основывалась на сходстве не только в материальной культуре, но и в религиозных верованиях (культура бронзовых барабанов) народов на широком пространстве от Южного Китая до Индонезии (подробнее см. *Heine-Geldern R.* L'art prébouddique de la Chine et de l'Asie du Sud-Est et son influence dans l'Océanie // *Revue des Arts Asiatiques*. 1937. № 11(4). P. 177–206; *Solheim W.G. II.* A Brief History of the Dongson Concept // *Asian Perspectives*. 1988–1989. XXVIII. 1. P. 23–30).

рием достоверности, позволяющим отбирать и понимать материал письменных источников.

Задача данной работы – собрать и прокомментировать сведения по истории царства Вьет и попытаться восстановить реальную историческую картину, духовную жизнь и политическую историю на основе их соотношения с археологическим материалом.

Приверженность царства Вьет до конца собственным культурным традициям привела к практически полному отсутствию китаеязычной эпиграфики (в этом его отличие от Чу и особенно от У). Единственное исключение составляют несколько мечей и секир с краткой надписью о том, что они принадлежат вьетским правителям. В то же время сохранившиеся надписи учэнским типом письменности на сегодняшний день не дают нам никакой информации.

Тот факт, что царство Вьет было этнически чужеродным для китайцев, оказал влияние на то, что китайские авторы практически не проявляют к нему интереса, а все упоминания о нем касаются его контактов с китайскими царствами и рано китаизированным У. Поскольку царство Вьет было завоевано другими царствами – сначала Чу, а затем Цинь и Хань, от него, в отличие от китайских царств, не сохранилось собственной исторической традиции, кроме некоторых мифов, по-видимому, бытовавших устно и записанных уже в период активной китаизации, в период Восточной Хань (25–220 гг.)⁴. Поэтому история царства Вьет известна очень плохо, за исключением непродолжительного периода его активного политического соприкосновения с китайскими царствами середины I тыс. до н.э., в то время как вся ранняя и поздняя история этого государства практически остается неизвестной по письменным источникам. Видимо, эти же причины, как и крайняя немногочисленность нарративного материала, привели к отсутствию интереса к этому царству в исторической науке. В отличие от Чу или Намвьета попыток написать историю царства Вьет пока не предпринималось.

Прежде всего попробуем обозначить круг источников. Как уже отмечено выше, китайские памятники практически не уделяют внимания царству Вьет. Еще в «Шан шу» (Книга древних преданий), в главе «Юй гун» (Дары Юю), где дано географическое описание страны, самая юго-восточная область, которая упоминается, – это Сюйчжоу, район к северу от оз. Тайху, на юге нынешней провинции Цзянсу, т.е. стык уских и юэских областей. О самих же юэских областях ничего не рассказывается, хотя Юй связывается в мифологии именно с районами царства Юэ, так как он долгое время прожил в Гуйцзи (нынешняя провинция Чжэцзян)⁵.

Самые ранние упоминания о царстве Вьет содержатся в памятнике «Чунь цю» (Весны и осени), записанном в конце одноименного периода (по этой книге период получил название); авторство памятника приписывается Конфуцию (551–479 гг. до н.э.). Первое упоминание о царстве Вьет здесь относится к 771 г. до н.э. – первому году правления луского Сюань-гуна. Однако в «Чунь цю», первоначально задуманной как хроника царства Лу, находившегося в Шаньдуне, но примерно где-то с середины начинающей описывать в основном общекитайские события, на которые делается упор более, чем на местные, царство Вьет упоминается очень

⁴ См. Чжао Е. У-Юэ чунь цю (Весны и осени У и Юэ), <http://www.ndcnc.gov.cn/datalib/2004/Literature/SHL-DL/SHL-DL-1747>; Юэ цзюэ шу (История гибели Юэ), <http://www.white-collar.net/02-lib/01-zg/03-guoxue/yuejue.htm>

⁵ Шан шу (Книга древних преданий) // Шисань цзин цюань вэнь бяо дянь бэнь (Полный официальный текст тринадцати канонов) / Под ред. У Чуньпина. Т. 1. Пекин, 1991. С. 113; Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

редко – всего семь раз, т.е. гораздо реже, чем другие царства, даже некитайские, находившиеся в долине реки Янцзы – Чу и У. Так, например, количество упоминаний царства Чу очень велико; пожалуй, оно является наиболее упоминаемым, или одним из наиболее упоминаемых в «Чунь цю». Количество упоминаний царства У составляет 36, на фоне этого упоминания Юэ очень малочисленны и малоинформативны⁶.

Точно так же и в комментариях, даже в самом обширном из них – «Цзо чжуань», составленном Цзо-Цюй Мином, (младшим?) современником Конфуция, информации о Юэ очень мало, в основном она касается событий текущей политической жизни, т.е. войн царства Вьет с другими государствами, и лишь в одном случае в комментарии Цзо-Цюй Мина имеется краткое сообщение о том, что такое царство Вьет⁷.

Другой памятник, тоже приписываемый Цзо-Цюй Мину, в котором есть разделы, посвященные царству Вьет, – это «Го юй» (Речи царств). Один из разделов этого памятника так и называется «Юэ юй» (Речи царства Вьет), о царстве Вьет говорится и в «Речах У» (У юй). Однако несмотря на название, памятник мало информативен, поскольку в основном представляет собой адресованные правителю поучения «мудрых» чиновников о том, как надо править в конфуцианском духе, речи о правителях, которые поступали правильно и неправильно, и какая кара за этим следовала. Естественно, что обширные «речи», собранные в этом памятнике, никто практически за говорившим записать не мог – это исторический анекдот, и лишь в некоторых случаях в нем встречается какая-то случайная информация о самом царстве или народе, его населяющем. Такая информация очень невелика, но значение ее немаловажно, в частности для истории царства Вьет⁸. Поучение сопровождается канвой из исторических событий, однако они зачастую известны из «Чунь цю».

В другом памятнике, «Чжу шу цзинянь» (Записи на бамбуковых дощечках), составленном в конце периода Чжаньго, найденном в гробнице царства Вэй и являющемся хроникой этого царства, которое находилось на Среднекитайской равнине, сообщается о подарке вьетами кораблей для царства Вэй в правление вэйского Сян-вана, в 312 г. до н.э.⁹ Есть еще один памятник периода Чжаньго – «Чжоу ли» (Ритуалы Чжоу), в разделе «Као гун цзи» (Записи о ремеслах) упоминается о Юэ в связи с изготовлением мечей¹⁰.

Определенная информация о царстве Вьет есть у Сыма Цяня (140–87 гг. до н.э.), автора «Исторических записок» («Ши цзи»)¹¹. В разделе «Наследственные дома» («Ши цзя») Сыма Цянь помещает в 41-ю главу, посвященную вьетскому вану Гоуцзяню, ставшему гегемоном всех китайских царств. К сожалению, информация о предшественниках Гоуцзяня составляет всего 2,5 строчки, весь остальной же текст главы во многом пересказывает «Речи царства Вьет» в «Го юе». В разделе «Ле чжуань» (Биографии, или Описания) Сыма Цянь также помещает «Описание Донгвьета» – глава 114 и «Описание Намвьета» – глава 113, но они начинаются

⁶ Чунь цю сань чжуань (Летопись весен и осеней с тремя комментариями) / Прим. Ду Юя. Шанхай, 1991.

⁷ Там же.

⁸ Го юй (Речи царств) / Под. ред. Цукамото Ёсикадзу. Токио, 1920.

⁹ Чжу шу цзинянь (Записи на бамбуковых дощечках) / Коммент. Шэнь Юэ. Тайбэй, 1968.

¹⁰ Чжоу ли (Ритуалы Чжоу) // Шисань цзин цюань... Т. 1. С. 499.

¹¹ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Т. 1–10. Пекин, 1992.

тоже только с эпохи Хань, когда империя Хань образовала два вассальных государства – Маньвет и Донгхай, причем упоминается, что правитель Маньвета был потомком вьетского правителя Гоуцзяня. Даже в разделе «Бяо» (Таблицы) у Сыма Цяня нет специальной графы, посвященной царству Вьет; сведения о нем встречаются только в графах, посвященных другим царствам, в основном У или Чу, и мы нашли только пять упоминаний о царстве Вьет¹².

Бань Гу (32–92 гг. н.э.) в своей «Истории Хань» («Хань шу») практически дословно, лишь с небольшими изменениями, повторяет «Описание» Маньвета и Намвьета¹³. Кроме этого, в географических записях о царстве Вьет готовится при описании округа Гуйцзи, бывшего когда-то его центром (глава 28а).

Упоминание о царстве Вьет есть еще в двух памятниках периода Западной Хань (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.) – в «Хуайнань цзы», записанном Лю Анем, правителем вассального государства Хуайнань, и в «Шо юане» (Сад речей) Лю Сяна. В «Хуайнань цзы» сообщается о связях вьетов с корабельным делом (7), а в «Шо юане» приводится песня брата вьетского вана. Песня записана на вьетском языке китайскими иероглифами, и поскольку она была непонятна, то дается ее перевод¹⁴. Данная песня, безусловно, является очень важным источником по изучению языка Вьет, однако непонятно – на языке каких вьетских групп она была написана и насколько точно приводимые записи отражают фонетику древневьетского языка. Этот вопрос осложняется еще и тем, что мы не знаем, как читались сами древнекитайские иероглифы в то время. Существует масса реконструкций звучания древнекитайского языка, в основном благодаря тем остаткам, которые сохранились в кантонском (официальном языке Гонконга и Макао и неофициальном языке центральной части китайской провинции Гуандун) и японском языках, однако насколько возможно реконструировать этот язык, неизвестно. Пока общепринятой реконструкции нет, хотя и была попытка Б. Карлгрена¹⁵, поэтому для восстановления данной песни требуется специальное исследование, что выходит за пределы данной работы.

И наконец, благодаря включению «Речей Юэ» в «Речи царств»¹⁶, Гоуцзянь и его борьба с царством У становятся важным фольклорным элементом в китайской исторической и литературной традициях – эти упоминания о Гоуцзяне и уском ване Фуча настолько многочисленны, что их практически невозможно отследить и пересчитать, однако в основном они являются лишь изложением сведений, содержащихся в «Го юе» или же у Сыма Цяня, который сам пересказывает «Го юй». Поэтому отнесение подобных упоминаний к источникам не только бесполезно, но и может исказить правильность исследования, поскольку во вторичных для данной проблемы источниках возможны различные домыслы.

Единственные два поздних произведения, в которых содержится определенная ценная информация, – это памятники эпохи Восточная Хань (25–220 гг.) – «У-Юэ чунь цю» и «Юэ цзюэ шу» (9; 16). «У-Юэ чунь цю» (Весны и осени У и Юэ). Они были составлены уроженцем Чжэцзяна (т.е. тех мест, где когда-то находилось царство Вьет), по имени Чжао Е и первоначально содержали 20 глав, из которых

¹² Там же. Главы 14–15.

¹³ Бань Гу. Хань шу (История Хань) / Прим. Янь Шигу. Т. 1–12. Пекин, 1990.

¹⁴ Дун Сяопин. У-Юэ вэньхуа синь тань (Новое исследование по культуре У и Юэ). Ханчжоу, 1988. С. 270.

¹⁵ Karlgren B. Compendium of Phonetics in Ancient and Archaic Chinese // Bulletin of the Museum of Far-Eastern Antiquities (Ostasiatica Sammlingarna). 1954. 22. P. 211–367.

¹⁶ Го юй. С. 673–706.

до настоящего времени дошло только 10. В части, описывающей царство Вьет, сначала содержится пересказ мифа о легендарном правителе Китая Юе, считающемся основателем царства Вьет, а затем автор переходит сразу к Гоуцзяню, упоминая о промежуточных легендарных и не легендарных правителях лишь очень кратко. Однако ценно в этом памятнике то, что он содержит имена правителей до Юньчана, чего нет у Сыма Цяня. В остальном же автор пересказывает либо миф о Юе, либо предания о Гоуцзяне и его борьбе с У¹⁷. Другой памятник, который по содержанию во многом близок с «У-Юэ чунь цю», – это История гибели Юэ («Юэ цзюэ шу»), составленная Юань Каном. Текст, первоначально состоявший из 25 глав, из которых до нашего времени дошло 15, представляет собой как бы дополнение к «У-Юэ чунь цю» и содержит предание о жизни сановников царств У и Юэ – У-цзы Сюня, Цзы-гуна, Фань Ли, Вэнь Чжуна и других, т.е. фактически продолжает жанр исторического анекдота. Если отбросить нравоучительные рассуждения в конфуцианском духе о добродетели правителя и справедливом правлении, на которые правителя наставляют мудрые советники, а также объяснение того, что из этого получилось, то информации в «Юэ цзюэ шу» остается не так много. Кроме канвы политических событий, упомянутые выше источники дают нам некоторую весьма краткую информацию по следующим вопросам: происхождение царства Вьет, его обычаи, религия, экономическая жизнь, язык.

Попробуем рассмотреть и оценить информацию по этим рубрикам. Проблема состоит в том, что до настоящего времени каких-либо попыток критически осмыслить имеющиеся факты китайскими учеными не предпринималось. Слова древних текстов зачастую просто понимались как данное. Точно так же комментируются и археологические материалы, в зависимости от слов древних текстов. Для того чтобы дать критическую оценку информации в известных памятниках, следует прежде всего опираться на данные археологии, насколько это возможно. В случае их неинформативности остается только учитывать время создания памятника, характер и цель его составления, а также возможные источники информации автора. Поэтому при описании царства Вьет мы будем брать за основу, по возможности, наиболее ранние источники, т.е. источники синхронного периода, как, например, «Чунь цю» и «Го юй», а также «Исторические записки» Сыма Цяня, во времена которого еще, по-видимому, сохранялись многие важные тексты, на настоящий момент утраченные. Важно заметить, что, будучи придворным историографом, Сыма Цянь, очевидно, имел доступ к императорским архивам.

Однако и в этих памятниках, особенно в «Го юе» и «Исторических записках», очень многое может объясняться политическими причинами. Главная цель составления этих двух сочинений заключалась в подтверждении правильности политических догматов конфуцианства, т.е. история здесь должна была стать примером правильного и неправильного правления, соответственно вознаграждением за первое становилось процветание государства, а наказанием за второе – гибель государства и правящей династии. В «Исторических записках» это выражается в словах историографа, т.е. самого Сыма Цяня, в конце каждой главы. В конце жизнеописания вьетского правителя Гоуцзяня Сыма Цянь упоминает великие заслуги Юя, бывшего якобы основателем династии правителей царства Вьет, а затем говорит о стараниях самого Гоуцзяня, который держал при себе мудрых советников, таких, как Фань Ли, и благодаря своим стараниям победил царство У. За свое «уважение» к чжоускому правителю он был пожалован званием гегемона (скорее

¹⁷ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

всего, звание гегемона отражало военно-политическую мощь этого царства). «Как не назвать Гоуцзяня мудрым!, – пишет Сыма Цянь. – Ему в основном передались заслуги Юя» (пер. автора)¹⁸. Точно так же в «У-Юэ чунь цю» Гоуцзянь спрашивает своих сановников, в чем причина его несчастий (имеется в виду тот период, когда он потерпел поражение от царства У и вынужден был отправиться к правителю У Фуча в плен или на расправу): «Я не знаю, в чем мое преступление», – сетует правитель¹⁹. Победа царства Вьет и поражение У объясняются причинами неследования правителя У по пути добродетели, указанному мудрыми советниками. Гоуцзянь же, наоборот, показан правителем, который заботится о подданных, слушает мудрых советников, увещевавших его, говоря, что война «противна добродетели»²⁰.

Точно так же идеологическая установка оказывает влияние на все другие сведения из письменных источников, созданных в конфуцианской традиции, и, очевидно, начиная с ханьского времени, проходивших цензуру.

Идеология играет большую роль и при выяснении происхождения царства Вьет, точнее, династии его правителей. Естественно, что и «Исторические записки», и другие памятники были написаны в китайской традиции, которая предусматривала догмат центра Поднебесной, находившегося в руках верховного правителя, получившего от неба разрешение на управление вселенной, в данную эпоху – правителя Чжоу. Соответственно внешний мир рассматривался с точки зрения отношения к чжоускому правителю, подчинения или неподчинения ему, принятия или непринятия чжоуской культуры, культуры этого верховного правителя. Естественно, что все правители царств при такой системе ценностей были «связаны» с родом тех или иных верховных государей, например, царство У – с Шаоканом, императором династии Ся, царство Вьет – с Юем, «усмирителем девяти рек и создателем девяти областей», мифическим правителем в период до первой, по-видимому, легендарной династии Ся. Сыма Цянь пишет: «Предок юэского вана Гоуцзяня, потомок Юя и сын от наложницы сяского императора Шаокана (согласно Сыма Цяню, Шаокан – пятый император Ся, династии, правившей или якобы правившей в XXI–XVI вв. до н.э. – С.Л.), получил уезд Гуйцзи (на севере провинции Чжецзян. – С.Л.) для того, чтобы следить за приношениями в храме Юя, (там) татуировали тело и коротко стригли волосы, строили селения из травы и через 20 с лишним поколений (его предки) дошли до Юньчана» (пер. автора)²¹. В общем-то это вся известная нам информация о происхождении народа юэ, причем, отчасти информация стандартная: поскольку китайцы носили длинные волосы и не делали татуировок на коже, то для того, чтобы обозначить варвара, иноземца обычно изображали татуирующим свою кожу и обрезающим волосы, что очень хорошо просматривается в «Ли цзи» (Записях о ритуале), памятнике, составленном, по-видимому, в период Чжаньго. Здесь в 5-й главе «Ван чжи» (Установления правителя) говорится, что все народы «пяти регионов» – как из Срединных царств (т.е. китайцы), так и жуны, и *и* имеют свои характерные особенности, которые невозможно изменить: «Восточные иноземцы называются *и*, они обрезают волосы и татуируют тело, некоторые из них едят еду, не подогревая ее на огне; южные иноземцы называются *мань*, они татуируют лоб и скрещивают ступни ног, некоторые едят пищу, не готовя ее» (пер. авто-

¹⁸ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1756.

¹⁹ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

²⁰ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1740.

²¹ Там же. С. 1739.

ра)²². Аналогичным образом, кстати, описываются и древние японцы²³. Однако в случае с *юэ* у нас действительно имеются свидетельства о том, что они татуировали тело; это – статуэтки с татуировкой. Что касается обрезания волос, археология свидетельствует об обратном: волосы оставались длинными, более того, они распускались локонами, украшались перьями и даже высокими шляпами, похожими на цилиндр²⁴. Археология полностью опровергает и данные о том, что вьеты готовили пищу, не имея огня, поскольку большинство народов освоило огонь еще со времен палеолита. Здесь мы видим безусловное свидетельство влияния китайской идеологии. Интересно, что у характеризуются так же, как и *юэ*. В комментарии «Гу Лян чжуань» в «Чунь цю» под 13-м годом правления усского Ай-гуна (482 г. до н. э.) имеется запись: «У – государство восточных иноземцев, обрезают волосы и татуируют тело»²⁵. Являются ли у и *юэ* одним народом или разными? По данным археологии, у – это китаизированные *юэ*, происходившие от общей лянчжуской цивилизации, но испытавшие нашествие с севера в послелянчжускую эпоху²⁶ носителей культуры Хушу. Судя по письменным источникам, казалось бы, подчеркивается общность у и *юэ*. Точно так же Чэнь Гоцян и другие исследователи истории народов Байюэ относят у к одному из юэских народов²⁷. В 5-й главе «У-Юэ чунь цю» (внутренняя неофициальная биография Фуча) говорится: «У и *юэ* имеют общие обычаи и одинаковые законы, наверху живут в соответствии с одинаковыми звездами, а внизу имеют одинаковое управление» (пер. автора)²⁸. Точно так же в «Люй-ши чунь цю» (Весны и осени господина Люя) – памятнике, составленном циньским министром Люй Бувэем в конце периода Чжаньго, вскоре после прекращения существования царства Юэ, говорится, что у и *юэ* имеют общий язык²⁹, а это, очевидно, один из главных признаков общности народа. Таким образом, практически все данные, полученные в результате исследования археологического материала, полностью подтверждаются. О самом же языке, на котором говорили у и *юэ*, информации у нас практически нет. Мы знаем только, что *юэ* (=вьет), судя по всему, было названием, не придуманным китайцами, но самоназванием этого народа, и, таким образом, этническая общность *батьвьет* была, судя по всему, генетически родственной, а не искусственно образованным китайцами этниконом. В «Чунь цю» под 5-м годом правления луского Дин-гуна имеется запись: «Юйюэ вторглись в У», 507 г. до н.э. При этом в комментарии «Гун Ян чжуань» говорится: «Что означает юйюэ, что означает юэ? (Называя их) именем юйюэ нельзя с ними общаться, (называя их) именем юэ можно общаться с ними» (пер. автора)³⁰. В эпоху Восточная Хань Хэ Сю добавил к «Гун Ян чжуань» свои примечания («чжу»): «Люди Юэ называют

²² Ли цзи (Записи о ритуале). Кн. 1–4. Киото: Книжный дом Хэйансё, 1787. Свиток 5.

²³ Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. М., 2003.

²⁴ Моу Юнхун. «Дюн фат ман сан» сю гэй (Мои размышления о «обрезающих волосы и татуирующих тело») // Нг-Ют дэй кэй ченгтунг хэй йн гау лёнман чжаап (Сб. статей по бронзе региона У-Юэ). Гонконг, 1997. С. 283–292.

²⁵ Чунь цю сань чжуань. С. 534–535.

²⁶ Лаптев. Предыстория... С. 328–367.

²⁷ Чэнь Гоцян, Цзян Бинчжао, У Миньцзе, Синь Тучэн. Байюэ миньцзу ши (История народов Байюэ). Пекин, 1988.

²⁸ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

²⁹ Люй ши чунь цю (Весны и осени господина Люя), http://www.guoxue.com/zibu/zibu_lscq/mc001.htm

³⁰ Чунь цю сань чжуань. С. 497.

себя *юйюэ*, благородные люди называют себя *юэ*» (пер. автора), т.е. комментарий получается очень противоречивый. Согласно «Гун Ян чжуаню», *юэ* можно использовать для обозначения *юйюэ*, согласно же Хэ Сю получается, что *юйюэ* – это их самоназвание, так же как и *юэ*³¹. В любом случае из обоих комментариев получается, что *юэ* – это местное слово. Дун Сяопин предлагает толкование: «благородные люди» (имеются в виду представители Срединных царств, т.е. китайцы) называют их *юэ*³². Ни о каком происхождении самоназвания *юэ* мы догадываться не можем, но очевидно, что *юйюэ* – это одна из групп вьетов, так же как *маньюэ*, *наньюэ*, *лоюэ*, *яньюэ* и т.д.

На бронзовых мечах и алебардах *юэ* всегда записываются с помощью знака для «юэ» («боевой топор»). Случайно ли это? Как свидетельствует археология, все-таки, по-видимому, нет, поскольку топоры «юэ» находятся прежде всего на вьетской территории – возможно, к китайцам их обозначение пришло от названия этого народа. Как же соотносятся друг с другом народы *байюэ* и *батьвьет* – как родственники или как группа чужеродных этносов? Существует теория о том, что *батьвьет* является одним народом; она поддержана, в частности, Обществом по изучению *байюэ*³³. Но есть сторонники того, что это общее наименование для всех народов юга, не связанных генетическим родством как, например, Мэн Вэньтун³⁴. Археология скорее склоняет нас к первой версии, более того, то, что их «множество» («бай»), вовсе не означает, что они являются разными народами. Например, у китайцев часто окрестные народы выступают во множественном числе, например, «девять *и*», «семь маней» и т.д., так, в «Чжоу ли», в главе «Чиновники летнего сезона, управляющие лошадьми» («ся гуань сыма») говорится: «Четверо *и*, восемь маней, семь миней, девять *мо*, пять жунов, шесть *ди*» (пер. автора)³⁵. Здесь перечисляются народы, окружающие китайцев – восточные иноземцы *и*, южные иноземцы *мань*, *минь*, южный народ (*миньюэ* – маньвьеты), *бо* – народы, жившие на северо-востоке, жуны, жившие на западе, *ди*, народы на севере. Кстати, здесь же упоминается, что область Янчжоу на юго-востоке имеет центр в Гуйцзи, т.е. постепенно одна из Девяти областей смещается к югу³⁶. Степень родства народов *байюэ* дают нам только археологические данные, письменные источники такой информации не сообщают.

Точно так же непонятна фраза о том, что вьеты строят свои поселения из травы. Имеется ли в виду то, что они покрывали травой свои жилища, имевшие столбовую конструкцию в отличие от глинобитных полужемлянок китайцев? Если это так, то письменные источники (Сыма Цянь) находят подтверждение в археологическом материале.

Кроме того, сообщения об обычаях вьетов Юэ, которые отличались от китайских, наглядно показывают, что *юэ* был чужеземным народом, не имевшим ничего общего со Срединной равниной, несмотря на то что эта территория связана с деятельностью Юя: именно здесь Юй постигал свою мудрость, именно отсюда, с каких-то юэских территорий он происходил, именно сюда он вернулся и здесь умер³⁷.

³¹ Там же. С. 497–498.

³² Дун Сяопин. У-Юэ вэньхуа синь тань. С. 224.

³³ Чэнь Гоцян, Цзян Бинчжао, У Миньцзе, Синь Тучэн. Байюэ миньцзу ши.

³⁴ Мэн Вэньтун. Юэ ши цун као (Исследования по истории Юэ). Пекин, 1983.

³⁵ Чжоу ли. С. 472.

³⁶ В «Дарах Юю» это не упомянуто. См. Чжоу ли. С. 113.

³⁷ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

Кстати, происхождение правящей династии от Юя тоже ни в коем случае не служит доказательством того, что она была китайской. Во-первых, сам Юй – уроженец районов Янцзы³⁸, там же похоронен его отец, оттуда же он взял жену³⁹. Во-вторых, очень многие династии окружавших срединные государства царств выводятся из них, например, основатель вьетнамской государственности Кинь-зыонг выонг был сыном китайского императора Ди Мина, потомком в третьем поколении императора Шэньнуна – «Священного земледельца»⁴⁰. Кроме того, Чжао Е выдвигает версию, что цари Юэ вовсе не были потомками даже Юя. Он пишет, что Шаокан (император Ся) пожаловал удел в Юэ одному из простолюдинов, которого звали Уюй. Впоследствии династия Уюя пресеклась (через 10 поколений), «последний государь ничтожный и слабый не смог удержаться на престоле, перешел в народ, стал простолюдином» (пер. Д.В. Деопика и К.В. Лепешинского). Затем правителем стал чудесно рожденный ребенок, начавший говорить сразу после рождения, а после него его подданный по имени Ужэнь или же сын этого подданного, Уи. Точно не понятно, но именно от Уи идет династия вьетских правителей, к которой относится и Гоуцзянь⁴¹. Таким образом, Чжао Е выдвигает новую версию, что эта династия имела независимое от Срединной равнины происхождение. Возможно, что это – стремление чжэцзянской интеллигенции начала I тыс. н.э. утвердить свои вьетские корни, ради чего подвергается сомнению даже авторитет отца китайской историографии Сыма Цяня. Однако, судя по всему, для этого имелись какие-то основания, возможно, предания, жившие в народе; вряд ли можно предполагать сохранение письменной традиции к этому времени. С другой стороны, следует отметить, что и данные Сыма Цяня вполне тенденциозны, в частности, стремление всех правителей, особенно тех, которые становились гегемонами и играли ведущую роль на Центральнокитайской равнине, считаться происходившими от китайцев, хотя, как мы видим и в китайском происхождении Юя, одного из «первых императоров», имеются большие сомнения. Вопрос об этногенезе других вьетских народов не возникает, да в общем у них и не создавались сильные государства, такие, как Юэ, У и Чу. Когда же появляются государства в Манвьете (в Намвьете, как мы знаем, действительно была китайская династия, происходившая от китайского военачальника Чжао То), то встает проблема происхождения его правителей. Сыма Цянь называет династию правителей Манвьета потомками Гоуцзяня: «Ван Манъюэ по имени Учжу и ван юэского Дунхая по имени Яо имели своими предками потомков юэского вана Гоуцзяня и носили фамилию Чжоу» (пер. автора)⁴². В биографии юэского правителя Гоуцзяня говорится, что в 35-й год чуского Сянь-вана (в 334 г. до н.э.) чуский ван «нанес большое поражение Юэ, убил вана Уцзина, насовсем захватил исконную территорию У до реки Чжэцзян, на севере разбил Ци у Сюйчжоу, а юэ после этого рассеялись, началась вражда между всеми родами, некоторые стали ванами, некоторые цзюнями (властителями), приблизились к Цзяннаньскому морю (т.е. к “морю, южнее Янцзы”. – С.Л.), под-

³⁸ Деопик Д.В. Элементы южной традиции в китайском мифе // Деопик Д.В. Вьетнам: история, традиции, современность. М., 2002. С. 145.

³⁹ Там же. С. 146–147.

⁴⁰ Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 1 / Пер. с ханвьета К.Ю. Леонова, А.В. Никитина. М., 2002. С. 109; Познер П.В. Древний Вьетнам. Проблема летописания. М., 1980. С. 89.

⁴¹ Чжао Е. У-Юэ чунь цю; он же. У-Юэ чунь цю («Весны и осени (царств) У и Юэ»). Гл. 4. Ч. 6, 7 / Пер. Д.В. Деопика, К.В. Лепешинского // Деопик. Вьетнам... С. 505–506.

⁴² Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 9. С. 2979.

чинились Чу» (пер. автора)⁴³. Таким образом, мы имеем информацию, что вьеты «рассеялись», однако на какой территории и как далеко, неизвестно. Сам район в море на юг от Цзяна, т.е. от Янцзы, комментарий «чжэн и» эпохи Тан (618–907 гг.) определяет как уезд Линьхай области Тайчжоу, т.е. район вокруг нынешнего уезда Линьхай провинции Чжэцзян⁴⁴. Не исключено, что часть вьетов могла отправиться и в район реки Миньцзян, в том числе и потомки Гоуцзяня; возможно, и был отток населения после чуского завоевания на юг. Иных свидетельств в письменных источниках, как мы видим, нет. Археология же свидетельствует о том, что царство Вьет в период Чунь цю продвигается на юг и осваивает южную часть Чжэцзяна. К сожалению, археологический материал Фуцзяни не позволяет нам точно определить, были ли потоки населения из Чжэцзяна в этот район или нет, хотя есть определенные данные о том, что в период Чжаньго сюда проникает чуская культура, так же как и определенные явления, характерные для Чжэцзяна (т.е. для царства Вьет), например, техника изготовления глазурованных (керамических) бронзовых изделий, появившаяся и в горах Чжэцзяна, и в Фуцзяни после чуского завоевания, что подтверждает идею о миграциях населения⁴⁵.

В письменных источниках есть некоторая, хотя и очень незначительная, информация о религии вьетов. Известно существование культа Юя, но мы не знаем, были ли для них Юй китайским правителем, или же речь идет о почитании мифического местного предка правителя-божества. Однако есть более реальные сведения, касающиеся тотемов. По-видимому, одним из главных тотемов была змея. Так, в «Речах царства У», в «Го юе», говорится, что правитель Хэлюй «хотел соревноваться в величии с Юэ, поскольку Юэ находится на юго-востоке, то установил там змеиные ворота... поблизости от земель Юэ он установил змею, поэтому сверху больших южных ворот была деревянная змея с головой, смотрящей на север, что означало, что Юэ принадлежит У»⁴⁶. Эта же фраза была позже переписана и во внутренней биографии Хэлюя, в «У-Юэ чунь цю»⁴⁷. В «Шовэне», древнем словаре, составленном во II в. н.э., слово «Минь», название реки и народов Фуцзяни, поясняется так: «Юго-восточные юэ относятся к народам змеи»⁴⁸. В «Шань хай цзине» (Каталог гор и морей или Канон гор и морей), составленном в конце периода Чжаньго или, возможно, в начале Ранней Хань, в своде мифологической биографии есть упоминание о «людях змей»: «Люди ба (змей), которые подчиняются Мэнту, подданному сяского владыки» (пер. автора)⁴⁹. Далее запись продолжается: «Подданный сяского правителя Чи, называется Мэнту, он управляет богами У, люди змей просят суда в месте обитания Мэнту». Если учитывать, что описываются места, близкие к Линь (= р. Миньцзян), то можно предположить, что имеется в виду находящаяся поблизости часть вьетов, т.е. это вполне могут быть и вьеты, населявшие царство Вьет.

Если упоминание «Шань хай цзина» расплывчато, то в «Юэ юй» ошибок быть не может: этот текст писался слишком близко ко времени существования царства

⁴³ Там же. Т. 5. С. 1751.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Лантев. Предыстория... С. 410–412.

⁴⁶ Го юй. С. 642–644; Ян Цун. Минь-юэ го вэньхуа. Фуцжоу, 1998. С. 442–443.

⁴⁷ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

⁴⁸ Гуй Фу. Шовэнь цзецзы ичжэн (Словарь Шовэнь с комментариями и примечаниями). Шанхай, 1987.

⁴⁹ Шань хай цзин (Каталог гор и морей) / Коммент. Го Пу, Би Юаня (серия Чжу цзы бай цун шу). Шанхай, 1995. С. 91; Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. М., 1977. С. 103.

Юэ, чтобы перепутать такую важную особенность, как тотем этого царства. Однако в археологических материалах изображений змей нет, что очень странно. Единственное, что может напоминать змею, – это загнутая спираль в орнаменте. В то же время, у вьетов часто встречается птица, а также и голова тигра, которая, пожалуй, более характерна для У, но никак не змея. Возможно, что, говоря о змее, китайцы могли иметь в виду дракона, который в принципе напоминает змею. Считается, что дракон появляется в китайской мифологии достаточно поздно, но характерен для мифологии древних вьетов⁵⁰. Дракон упоминается в мифе о Юе – легендарном основателе царства Вьет, а возможно, и (по версии Сыма Цяня) прародителе династии: желтый дракон поднимает лодку Юя, когда тот переправляется на юг через Янцзы⁵¹. В «Шань хай цзине», по преданию составленному якобы по повелению того же Юя, говорится: «В центре громового озера живет бог грома, у него тело дракона и голова человека, бьет в барабан по своему животу, находится к западу от У» (пер. Э.М. Яншиной)⁵². «К западу от У» означает тоже где-то на вьетских землях. Дао Зуй Ань считает, что дракон – это крокодил, издревле бывший тотемом у вьетнамцев⁵³. Действительно, статуэтки крокодилов встречаются в археологических материалах из Вьетнама⁵⁴. Само же имя Юя, согласно Д.В. Деопику, обозначает «Молодой дракон», как имя его отца Гуня – «кит»⁵⁵.

Еще одно существо, упоминаемое в «У-Юэ чунь цю» и тоже, видимо, бывшее тотемом, – это птица. Во внешней биографии Уюя говорится, что после смерти мифического императора Юя «Небо признало добродетель Юя, отметило его заслуги, оно приказало птицам возвратиться и превратившись в людей, обрабатывать землю, птицы разной величины строились по размеру и двигались взад-вперед» (пер. Д.В. Деопика и К.В. Лепешинского)⁵⁶. Также в комментарии сообщалось, что, согласно «Дили чжи» (Географическим записям в Истории Хань), на горе есть колодец Юя и храм Юя; по преданию, внизу имелось множество птиц, которые пропалывали поля⁵⁷. Кстати, в самом тексте «Дили чжи» упоминается храм Юя, но о птицах ни слова не говорится⁵⁸. Тем не менее роль птицы как значимого важного мифологического символа и, по-видимому, важного тотема несомненна, это же подтверждается и данными археологии, где птица – один из основных символов в археологии царства Вьет, да и вообще вьетов, от Янцзы и до Вьетнама на юге. Это наиболее очевидно на примере бронзовых барабанов донгшонской культуры во Вьетнаме, бронзовых фигурок птиц в Сычуани и в устье Янцзы⁵⁹.

В «Дили чжи» (Географических записях Бань Гу) также есть сведения о змее и драконе. Здесь в разделе, посвященном земле Юэ, сообщается: «Говорят, что ее

⁵⁰ Деопик. Элементы южной традиции... С. 145.

⁵¹ Чжоу ли. С. 385–515.

⁵² Шань хай цзин. С. 97; Каталог гор и морей. С. 109.

⁵³ Дао Зуй Ань. Ко шы Вьет Нам (Древняя история Вьетнама) // Дао Зуй Ань. Лить шы ко дай Вьет Нам (Древняя история Вьетнама). Ханой, 2005. С. 31–32.

⁵⁴ Nguyen Giang Hai, Trinh Sinh. Catalogue for Vietnamese Archaeology. Vol. 2. Metal Age. Hanoi, 2002. III. 4.

⁵⁵ Деопик. Элементы южной традиции... С. 145.

⁵⁶ Чжао Е. У-Юэ чунь цю; он же. У-Юэ чунь цю... С. 504.

⁵⁷ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

⁵⁸ Бань Гу. Хань шу. С. 1591.

⁵⁹ У Чжэньфэн. Чжунго гу цинтун ци (Древнекитайская бронза). Ухань, 2001; Фам Минь Хуен, Нгуен Ван Хуен, Чынь Шынь. Чонг Донг шон (Донгшонские барабаны). Ханой, 1987.

властители – потомки Юя, сына императора Шаокана от наложницы, получили уезд в Гуйцзи». В комментарии Янь Шигу (эпоха Тан), мы находим: «От Цзяочжи до Гуйцзи 7–8 тыс. ли, здесь вместе проживают *байюэ*, все они имеют роды и фамилии, нет оснований говорить, что они потомки Шаокана. Согласно “Ши бэню”, *юэ*... имеют общего предка с *чу*, поэтому “Го юй” говорит... фамилия Нао и Юэ, поэтому ясно, что *юэ* не потомки Юя... (Янь) Шигу говорит, происхождение названия *юэ* от места, где сын Шаокана от наложницы управлял храмом Юя и был господином в земле Юэ, поэтому в данных записях говорится, что его правители после Юя, разве здесь говорится, что люди *байюэ* – все потомки Юя? Цзань не говорит об этом» (пер. автора)⁶⁰. Таким образом, этот комментарий поддерживает версию Чжао Е о том, что и правители не были потомками Юя, не говоря уж о всех батьвьетах. Далее в тексте упоминается о связи обычая татуировки тела и обрезания волос с драконом и водяной змеей: «Татуируют тело, брежут волосы, чтобы этим избежать вреда от водяной змеи и дракона». В комментарии говорится: «Они часто находятся в воде, поэтому брежут свои волосы и татуируют свое тело, чтобы тем символизировать детей дракона, и поэтому не получают ран и вреда» (пер. автора)⁶¹. Таким образом, здесь упоминаются и дракон, и змея, а может быть, имеется в виду водяная змея-дракон – «цзяолун», тем самым объясняя связь между двумя тотемами. Видимо, почитание этих тотемов выражалось в татуировке, в материальной же культуре это может отражаться в узорах типа спиралей и завитков, а может быть, и в каких-то других символах, до нас не дошедших.

Характерно, что здесь говорится о родстве *юэ* и *чу*, т.е. письменные источники поддерживают археологию: *чу* и *юэ*, так же, как и *у*, были родственными народами. Никаких причин считать *у* аустронезийцами не существует, об этом же в свое время говорил и Уильям Мичем⁶². Если аустронезийцы где-то и жили на территории Китая, то, по-видимому, южнее, в районе нынешней Фуцзяни, усцы же, как и чусцы – это китаизировавшиеся вьеты, причем если усцы китаизировались сразу в результате внешнего нашествия, то чусцы, судя по всему, делали это очень постепенно, принимая китайскую культуру не полностью, как это сделали *у* (по-видимому, их верхи), а создавая свой собственный субстрат на основе двух культур – вьетской и китайской, что и стало чуской культурой.

В этом тексте имеются также упоминания о большой роли воды в жизни вьетов. Вода является одним из главных символов и для современных вьетов, ведь не случайно во вьетнамском языке, как это подчеркивал в своих исследованиях Чан Нгок Тхем, слово «ныок» («вода»), звучит так же, как и «страна»⁶³. Не случайно на донгшонских барабанах изображаются лодки и гребцы, не случаен и узор в виде волн, известный как в Северном Вьетнаме, так и в Чжэцзяне и в Фуцзяни; тотемы в виде крокодила и дракона, водяной змеи, тоже, безусловно, связаны с водой⁶⁴. В номе (китаизированная вьетнамская письменность) «ныок» записывается

⁶⁰ Бань Гу. Хань шу. Т. 6. С. 1669–1670.

⁶¹ Там же.

⁶² Meacham W. On the Improbability of Austronesian Origins in South China // Asian Perspectives. 1984–1985. XXVI. 1. P. 89–106.

⁶³ Tran Ngoc Them. The Role of Water in Forming Vietnamese Cultural Identity // Modern Vietnam: Transitional Identities. Book of Abstracts for Intern. Bi-Annual Conf. Euroviet V. St. Petersburg, 2002. P. 34–36.

⁶⁴ Фам Минь Хуен, Нгуен Ван Хуен, Чынь Шынь. Чонг Донг шон. Рис. 4, 11, 13, 15, 19, 33 и др.

с радикалом «вода»⁶⁵. О том, насколько важную роль играла вода в жизни вьетов в низовьях Янцзы, говорится в «Речах царства Юэ» «Го юя», когда сановник У-цзы Сюй увещевает своего правителя Фуча: «Люди, которые живут на суше, могут жить только на суше, а те, кто живут на воде, – только на воде, поэтому если мы нападём на Высокие царства и победим их, то все равно не сможем жить на их землях, не сможем ездить на их повозках. А если мы нападём на юэсцев и победим их, то сможем жить на их землях, сможем плавать на их лодках, такую выгоду обязательно нужно использовать» (пер. автора)⁶⁶. Здесь мы видим не только доказательство общности у и юэ в экономической и хозяйственной жизни, в их традициях и привычках, но и тесную связь с водой, которая для юэ и у означала все, была основой жизни в отличие от «Высоких царств» (т.е. царств Среднекитайской равнины). Именно поэтому, видимо, и родилось столь острое соперничество между двумя царствами, которые находились на одной и той же территории, представляли один и тот же народ и вели сходную экономическую жизнь. В «У-Юэ чунь цю» говорится: «Бытие и небытие несовместимы, если они (усцы) процветают, то мы в позорном положении. Если мы станем гегемонами, то они погибнут, два государства борются за свою судьбу» (пер. Д.В. Деопика)⁶⁷. Сильнейшую связь с морем показывает и описание Дунъюэ у Сыма Цяня, где младший брат правителя по имени Юйшань, ставший сам потом ваном, говорит о возможных результатах войны с Ханьской империей: «Если не победим, спасемся, уйдя по морю»⁶⁸.

Естественно, что при столь тесной связи с водой юэ были умелыми кораблестроителями. В «Юэ цзюэ шу» во «Внутреннем описании У» («У нэй чжуань») говорится: «Люди юэ называют корабли необходимостью». Судя по всему, корабли юэ достигали значительных размеров. Так, в «Юэ цзюэ шу», в разделе «И вэнь», сообщается, что они вмещали 91 человека, имели в длину 9 чжанов и 6 чи, а в ширину – 1 чжан 3 чи 5 цуней. О длине различных мер в древности можно спорить, тем более, мы не знаем, имеются ли здесь в виду размеры, принятые в царстве Юэ, или же в Восточной Хань. В современной Японии один тё: (чжан) составляет 10 сяку (чи) и имеет размер 303 см, а в период Чжоу он примерно составлял 225 см⁶⁹. Таким образом, если мы примем число 225 см, то ширина в 1 чжан, 3 чи и 5 цуней (учитывая, что 1 чжан равен 10 цуням), составит 3 м 4 см, а длина – 21 м 60 см. И хотя точных данных здесь нет, поскольку мы не знаем, каковы были меры длины в точности, приблизительные размеры лодок мы представить себе можем. Это действительно были большие суда, шедшие под парусами и на веслах. Здесь же, в «Юэ цзюэ шу», в разделе «Цзи ди чжуань» (Описание земель) говорится, что корабли служили им колесницами, т.е. корабли заменяли им колесницы. Хотя это и преувеличение, поскольку в царстве У, так же, как и в царстве Юэ, в гробницах аристократов периода Чунь цю–Чжаньго нередко находят бронзовые детали от колесниц⁷⁰, тем не менее высокая степень связи с водой и уровня развития ко-

⁶⁵ Нгуен Куанг Си, Ву Ван Кынь. Ты диен Чы Ном (Словарь письменности Чы Ном). Сайгон, 1971. С. 528.

⁶⁶ Го юй. С. 676.

⁶⁷ Чжао Е. У-Юэ чунь цю; он же. У-Юэ чунь цю... С. 510.

⁶⁸ Сыма Цянь. Ши цзин. Т. 9. С. 2981.

⁶⁹ Мацумура Акира. Дайдзириин (Большой лес слов). Токио, 1989.

⁷⁰ См., например: Аньхуэйшэн венъю цзюй вэньхуа гунцзо дуй (Археологическая экспедиция Управления культуры пров. Аньхой). Аньхуэй Хуайнаньши Цайцзяган Чжаоцзягудуй Чжаньго му (Могила периода Чжаньго в Чжаоцзягудуй, Цайцзяган, г. Хуайнань, пров. Аньхой) // Каогю. 1963. № 4. С. 204–212.

раблестроения, который здесь подчеркивается, очевидны и сомнению не подлежат, поскольку подтверждаются фактами, например, как уже упоминалось выше, свидетельством дарения вьетским ваном правителю Вэй 300 кораблей в 312 г., т.е. уже в период, когда царство Юэ было разгромлено Чу и не было самостоятельным (мы вообще не имеем сведений о том, что было с царством Вьет после его завоевания Чу). Эта запись, если ее считать достоверно относящейся к 312 г., т.е. к 7-му году правления вэйского Сян-вана, показывает, что у вьетов сохранялось какое-то вассальное государство, вряд ли ее можно было придумать, поскольку период был еще слишком близок к тому моменту, когда записывался «Чжу шу цзинянь»⁷¹. Что же касается кораблей, то, судя по всему, даже 300 кораблей уже в то время, когда царство Вьет потеряло самостоятельность, все равно не составляли для него значительного богатства, правда, мы не знаем размеров кораблей, может быть, это были небольшие лодки. Тем не менее даже количество небольших лодок впечатляющее. Видимо, дело не в том, что у у и юэ не было колесниц и они не умели на них передвигаться, скорее всего, как говорится в «Хуайнань цзы», в главе «Ци су сюнь» (Записи об обычаях Ци) «людям ху удобно на лошади, людям юэ удобно в лодке»⁷², т.е. северные иноземцы ху были искусны в езде на лошади в отличие от китайцев, которые ездили на колеснице и освоили лошадь достаточно поздно, а вьеты — искусны в управлении лодкой или кораблем. Это искусство сохранилось у них и в более поздние эпохи, когда именно район Чжэцзяна, как и Гуандуна, стал центром морской торговли. Уже в ханьский период здесь находят изделия из стекла, напоминающие иранские, аналогично тому, как в более поздний период здесь обнаруживается множество монет исламского мира, свидетельствующих о морских связях со странами ислама⁷³. В последнее время популярна идея о Южном шелковом пути, проходившем по морю через Гуандун и Чжэцзян дальше на Японские острова⁷⁴.

Так же, как и корабли, известность в китайском мире получило и оружие вьетов, в частности знаменитые мечи из раскопок и частных коллекций, с надписями вьетских и усских правителей. В «Чжаньго цэ» (Планах сражающихся царств), памятнике, составленном Лю Сяном в конце эпохи Западная Хань, в «Планах царства Чжао» говорится: «Меч, сделанный в У, если его пробовать на мясе, разрубает корову и лошадь, если его пробовать на металле, то разрубает миски и кубки» (пер. автора)⁷⁵. Точно так же и в разделе «Као гун цзи» в «Чжоу ли» (Ритуалы Чжоу) сказано: «Мечи У и Юэ, если (их производство) забрать из этих земель, не могут быть хороши, таков дух этой земли» (пер. автора). И далее: «Качество металла (меди) и свинца У и Юэ превосходно» (пер. автора)⁷⁶. Таким образом, помимо кораблей У и Юэ славились еще боевым оружием и отличным качеством металла, что в принципе и неудивительно, поскольку данные археологии свидетельствуют о том, что изготовление боевого оружия и сельскохозяйственных орудий было ос-

⁷¹ Дун Сяотин. У-Юэ вэньхуа синь тань. С. 275.

⁷² Хуайнань цзы (Трактат Учителя Хуайнань), <http://www.zhaoxia.net/pinshu/huainanzi/diliu.htm#1>

⁷³ Инагаки Хадзимэ. Кодай Тю:гоку-но гарасу (Стекло в древнем Китае) // Кодай гарасу тэн дзуроку (Каталог выставки «Древнее стекло»). Сигараки, 2001. С. 130–137.

⁷⁴ Эгами Намио. Сируку ро:до то Ниппон (Шелковый путь и Япония) // Сируку ро:до. Уми-но мити (Шелковый путь: морские пути). Нара, 1988. С. 10.

⁷⁵ Чжаньго цэ (Планы сражающихся царств), http://staff.whsh.tc.edu.tw/~huanyin/anfa/c/anfa_changkuo14.htm

⁷⁶ Чжоу ли. С. 498–499.

новным продуктом производства вьетов в отличие от китайцев-хуася (как отчасти чжоусцев, так еще в большей степени шанцев), использовавших металл в первую очередь на литье ритуальных сосудов, вьеты же имели очень древнюю традицию, специализировавшуюся именно на оружии и сельскохозяйственных орудиях⁷⁷.

Таким образом, это основная информация письменных источников об обычаях, религии, экономике царства Вьет, информация не очень значительная, но практически во всех случаях, пожалуй, кроме тотема змеи, подтверждающаяся археологическими данными. Хотя встречаются преувеличения, например, утверждение, что у вьетов отсутствовали колесницы, однако, судя по данным археологии, это было не так. Здесь сильный отпечаток накладывает китайская идеология – вьеты на кораблях, китайцы на колесницах, северные иноземцы верхом на лошадях, что в принципе имело под собой основание, т.е. в основном так оно и было, однако с началом влияния со стороны Средних государств это обстоятельство приобретает отчасти условный характер: колесницы у вьетов появляются, но все же корабли играют основную роль как в экономике, так и в остальных аспектах жизни. Именно на кораблях вьетский правитель Гоуцзянь переправляет почти 50 тыс. воинов, среди которых было 2 тыс. особых, «натренированных к потоку» людей. Правда, комментарий «Со инь» переводит это как «натренированных отпущенных преступников», когда люди освобождались за тяжкие преступления, для того чтобы тренироваться как воины⁷⁸, поскольку другого способа ведения войны в этом районе, богатом реками (причем крупными, как Янцзы), болотами и другими водными потоками, просто не существовало, как и другого способа передвижения. Отчасти это сохраняется и до сих пор. Здесь наиболее ярким примером служит Сучжоу – город улиц-каналов, напоминающих Бангкок.

Теперь попробуем реконструировать политические события истории царства Вьет на основании имеющихся у нас письменных источников, отбрасывая идеологические моменты. Если мы исключим Юя, активно действующее лицо китайской мифологии, жизнь которого во многом проходила в Гуйцзи, центре будущего царства Вьет, где он и умер, то о политической истории царства Вьет до конца VI в. до н.э. не известно практически ничего. Хотя Юй жил в Юэ, даже став императором после Яо, следующие императоры, в том числе и Ци, сын Юя, проживали на севере. На горе Гуйцзи была могила Юя, который по преданию похоронен в тростниковом гробу. В могиле в Иньшани, принадлежащей вьетскому правителю, есть деревянный гроб⁷⁹, тростниковые же гробы не известны ни у вьетов, ни у хуася, впрочем, они и не могли сохраниться по климатическим причинам. После смерти Юя, согласно Чжао Е, его сын Ци построил Храм предков на вершине горы Наньшань, в нынешней провинции Чжэцзян, куда посылал ежегодно жертвы Юю. Через шесть поколений сяский император Шаокан, опасавшийся, как бы жертвоприношения Юю не пресеклись, пожаловал «одному из простолюдинов» по имени Уюй удел в Юэ. Таким образом, согласно официальной хронологии китайцев, от Юя до Уюя правителей в царстве Вьет якобы не было. Тем не менее народ жил хорошо, поскольку поля обрабатывали птицы, люди же жили в горах, налогов и

⁷⁷ Лантев. Предыстория... С. 195–197, 205–217.

⁷⁸ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1744. Однако нам кажется возможным переводить это и как «тренированные в волнах», возможно, морские лазутчики.

⁷⁹ Чжэцзяншэн вэньу каогу яньцзюсю (Институт материальной культуры и археологии пров. Чжэцзян), Шаосинсянь вэньу баогуаньли цзюй (Управление охраны памятников культуры уезда Шаосин). Иньшань Юэ ван лин (Гробница правителя Юэ в Иньшани). Пекин, 2002.

податей собиралось очень много, т.е. страна была очень богатой. Про самого Уюя известно только, что «Уюй жил очень скромно, не строил для себя хором с украшениями, жил, как живет человек из народа, весной и осенью приносил жертвы в храме Юя, на горе Гуйцзи» (пер. Д.В. Деопика и К.В. Лепешинского, исправлен автором)⁸⁰. Фактически о нем не известно ничего, скорее всего, это такая же мифологическая фигура, как и сам Юй, только в отличие от Юя, ставшего героем достаточно обширной мифологии, об Уюе не сохранилось даже мифов. Если можно предположить, что Юй какое-то божество или мифологический герой, то Уюй – явно фигура вымышленная. Тем более, что ничего неизвестно и после него, в «У-Юэ чунь цю» говорится только: «После Уюя сменилось более 10 поколений, последний государь ничтожный и слабый не смог удержаться (на престоле), перешел в народ, стал простолюдином» (пер. Д.В. Деопика и К.В. Лепешинского)⁸¹. У Сыма Цяня никакой информации об Уюе и его династии нет вообще, сразу после Юя сообщается о династии его потомков, которая не прерывалась, о чем мы писали выше.

После прекращения династии Уюя, согласно «У-Юэ чунь цю», жертвы в храме Юя прервались более чем на 10 лет, и затем следует другая легенда – о родившемся чудесном ребенке, который заговорил сразу после рождения и объявил себя потомком государя Уюя, обещая возобновить жертвоприношения в храме. Этот новый герой и стал следующим правителем, имя его отсутствует⁸². Далее, судя по всему, пресеклась династия и этого правителя. Никакого точного указания на это нет, однако почему-то следующими правителями после упоминавшегося чудесного героя стали потомки одного из его подданных по имени Ужэнь. В «У-Юэ чунь цю» сказано: «После этого у государя был праведный подданный по имени Ужэнь, (У)жэнь произвел на свет Уи, (У)и неустанно занимался защитой государства, не нарушал повелений неба, Уи умер, (правителем) стал Футан, Футан произвел на свет Юаньчана (комментарий – вместо иероглифа Юань, должен быть иероглиф Юнь)» (пер. Д.В. Деопика и К.В. Лепешинского)⁸³. Таким образом, непонятно, был ли Ужэнь правителем или нет, в отличие от Уи, который занимался защитой государства и, очевидно, уже был таковым. В четвертом поколении мы находим Юаньчана, который, видимо, на самом деле назывался Юньчаном: именно это имя употреблялось у Сыма Цяня. Сыма Цянь пишет достаточно просто: «Через 20 поколений дошло до Юньчана» – имеется в виду от сына императора Шаокана и наложницы, получившего удел Гуйцзи⁸⁴. Таким образом, династический список до Юньчана очень короток. Юньчан же, который воевал с уским ваном Хэлюем, жил уже в конце VI или начале V в. до н.э., поскольку годы правления Хэлюя – 514–496 гг. до н.э. О Юньчане известно только то, что он воевал с Хэлюем, после же его смерти правителем становится его сын Гоуцзянь, о котором в хронике существует следующий цикл легенд, так же, как и о Юе. Однако в отличие от Юя здесь речь идет об исторических преданиях, имевших в своей основе реальные события, хотя и искаженные идеологическими объяснениями. В «У-Юэ чунь цю» есть также запись о том, что уже во времена правления уских ванов Шоумэна (585–561 гг. до н.э.), Чжуфаня (560–548 г. до н.э.) и Хэлюя (514–496 гг. до н.э.) царство Юэ

⁸⁰ Чжао Е. У-Юэ чунь цю; он же. У-Юэ чунь цю... С. 505.

⁸¹ Чжао Е. У-Юэ чунь цю; он же. У-Юэ чунь цю... С. 505.

⁸² Он же. У-Юэ чунь цю.

⁸³ Там же; Чжао Е. У-Юэ чунь цю... С. 506.

⁸⁴ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1739.

было гегемоном⁸⁵, т.е. главным на Среднекитайской равнине, наиболее мощным царством, которому все подчинялись (возможно, система, чем-то напоминающая ранний сёгунат, при котором мелкие княжества сохраняли свою независимость, но вынуждены были временно подчиняться превосходящей военной силе сёгуна). Точно о функциях гегемона мы судить не можем, по-видимому, он был предводителем царства наряду с чжоуским правителем – ваном, номинальную власть которого признавали до определенного момента царства Среднекитайской равнины; правда, начиная с VIII в. титул вана присваивают себе правители Чу. Что же касается правителей У и Юэ, то неясно, когда они заимствовали титул вана. Видимо, для них это не играло такой роли, как для правителей Среднекитайской равнины, поскольку они не имели других рангов, во всяком случае во внутригосударственном пользовании. Причем, в отличие от чуских ванов правители У и Юэ так до конца и не приняли китайскую титулатуру, а сохранили свои собственные имена. Может быть, титул «ван» использовался ими только в сношениях с китайцами. В этом их коренное отличие от Чу – они до конца не объявляли о том, что принимают все правила иерархической чжоуской системы, т.е. они полностью так и не влились в китайский мир.

В отличие от «У-Юэ чунь цю» Сыма Цянь говорит о том, что гегемоном становится только Гоуцзянь после покорения царства У⁸⁶. Скорее всего, верна версия Сыма Цяня, поскольку в «Чунь цю» Юэ упоминается только один раз, в период до начала VI в., при луском Сюань-гуна (711–694 гг. до н.э.). Следующее упоминание уже относится к правлениям луского Си-гуна (659–627 гг. до н.э.) и луского Чжао-гуна (541–510 гг. до н.э.). Вряд ли царство Юэ, будучи гегемоном, могло совершенно отсутствовать на страницах этой хроники. Скорее всего, в этот период Юэ в основном борется с У и к Среднекитайской равнине интереса не проявляет. По-видимому, только покорив У, своего извечного соперника, Юэ могло реально стать гегемоном, во-первых, объединив огромную территорию, во-вторых, приблизившись к Среднекитайской равнине территориально, и в-третьих, избавившись от сильного соперника, с которым находилось не в очень хороших отношениях, как это бывает с двумя государствами одного народа.

В «Чунь цю», в первый год правления луского Сюань-гуна (711 г. до н.э.), говорится: «Летом в четвертом месяце, в день дин-вэй (44-й день) гун (т.е. правитель царства Лу Сюань-гун. – С.Л.) и чжэнский бо заключили союз с Юэ» (пер. автора)⁸⁷, т.е. здесь идет речь о заключении союза, против кого – непонятно, хотя союз мог быть не только наступательным, но и оборонительным. Возможно другое трактование: гун и чжэнский бо, т.е. правитель царства Чжэн в ранге бо, заключили союз против Юэ. Комментарии данного шага не поясняют, вместо этого «Гу Лян чжуань» предлагает понимать «мэн» не как союз, а как название местности; в этом случае пропадает глагол, хотя, может быть, он был утерян при переписке.

Следующая запись «Чунь цю» относится к правлению луского Си-гуна, согласно Сыма Цяню, – Ли-гуна⁸⁸. В 28-й год его правления (632 г. до н.э.) имеется запись: «Летом, в четвертый месяц, в день цзи-и (в 6-й день), чжуйский хоу, сунский полководец, циньский полководец и люди Юэ сражались у Чэнпу с полководцем Чу и

⁸⁵ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

⁸⁶ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1746; Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

⁸⁷ Чунь цю сань чжуань. С. 63.

⁸⁸ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 2. С. 581.

нанесли ему поражение» (пер. автора)⁸⁹. В дальнейшем говорится о продолжении борьбы Чу с Цинь, однако юэсцы больше не упоминаются в этом эпизоде.

Следующее событие, в котором затрагивается Юэ, относится уже к правлению луского Чжао-гуна (541–510 гг. до н.э.). В 8-й год его правления (534 г. до н.э.), сообщается: «Зимой, в 10-й месяц, в день жэнь-у (19-й день) циньский полководец захватил владение Чэнь, чэньский наследный принц был отпущен в Юэ, чэньский гун Хуань убит» (пер. автора)⁹⁰. Таким образом, царство Юэ принимает одного из царевичей Срединного государства, наследника убитого гуна, правителя царства Чэнь; у Сыма Цяня он именуется Ай-гун, годы правления – 568–534 гг. до н.э.

С самого конца VI в. до н.э. Юэ начинает в хронике встречаться чаще в связи с его активной борьбой с царством У. Первые сведения об этой борьбе восходят к началу правления Хэлюя, под 32-м, последним годом правления луского Чжао-гуна, имеется запись: «Летом У напало на Юэ» (пер. автора). «Цзо чжуань» дает следующий комментарий к этому событию: «Лето. У напало на Юэ. Сначала использовать воинов начало Юйюэ. Ши Мо (историк Мо) говорит: не более 40 лет Юэ обладало У. Юэ постарело (видимо, правитель Юэ. – С.Л.) и У напало на него, желая победить его мощь» (пер. автора)⁹¹. Следовательно, война между У и Юэ уже шла в течение 40 лет, т.е. достаточно продолжительное время. Данный же эпизод свидетельствует о новой вспышке этой борьбы, о более ранних столкновениях источники умалчивают.

Следующая запись об этой борьбе описывает события 5-го года луского Дин-гуна (509–495 гг. до н.э.), т.е. спустя 5 лет, и помещена к записям, относящимся к летнему периоду: «Юйюэ напало на У» (пер. автора)⁹². Это произошло в 505 г. до н.э., т.е. за 9 лет до вступления Гоуцзяня на престол. Последующее событие относится уже к 14-му году правления Дин-гуна, т.е. к 496 г. до н.э., последнему году правления Хэлюя.

Под 14-м годом правления луского Дин-гуна (496 г. до н.э.) имеется запись следующего содержания: «В пятом месяце Юйюэ нанесло поражение У при Цзяо-ли, узкий цзы Гуан скончался»⁹³. После этого идет комментарий о том, что такое Юйюэ, который мы приводили выше. Это также первое событие, отраженное у Сыма Цяня в его разделе «Таблицы»: «Напало Юэ, нанесло поражение нам (то есть У), ранило Хэлюя, что привело к смерти» (пер. автора)⁹⁴. Любопытно, что если Сыма Цянь называет правителя У по его вьетскому имени, то в хронике, приписываемой Конфуцию, т.е. созданной в самых строгих конфуцианских канонах, он назван «цзы» (младший ранг правителя, перед самым младшим «нань»), по имени Гуан. Интересно, что археологами был обнаружен меч с надписью «Правитель Цзюй-У Гуан»⁹⁵, следовательно, историчность имени Гуан подтверждается, но здесь он назван ваном, а не цзы. Видимо, китайцы в своей иерархии относили правителей У к самому низшему разряду правителей («цзы»), а сами усцы называли своего правителя «ваном», как мог именоваться только чжоуский ван, согласно «правильной» иерархии. При этом правитель еще имел и местное, вьетское имя. Видимо, надпись была сделана в расчете на китаезычный мир, однако и в нем У

⁸⁹ Чунь цю сань чжуань. С. 1 96.

⁹⁰ Там же. С. 432.

⁹¹ Там же. С. 486.

⁹² Там же. С. 497.

⁹³ Там же. С. 511.

⁹⁴ Сыма Цянь. Ши цзу. Т. 2. С. 670–671.

⁹⁵ Аньхуэйшэн веньу цзюй... С. 204–212.

не желало признавать низкого места в иерархии, на что царство Среднекитайской равнины никогда бы не согласилось (пришлось решиться на это уже после примера Чу и намного позже его). Далее у Сыма Цяня представлено подробное описание борьбы между Юэ и У, которого нет в хронике «Чунь цю».

В «Чунь цю» следующее событие относится только к 13-му году правления луского Ай-гуна (482 г. до н.э. – через 14 лет), в то время как у Сыма Цяня следующая запись идет через 2 года, в 494 г. до н.э.: «Напали на Юэ»⁹⁶, имеется в виду, что У напало на Юэ во 2-й год правления нового правителя Фуча. У Сыма Цяня обнаруживаются подробности этих событий в биографии Гоуцзяня: «В правление Юньчана была война и жестокие походы с уским ваном Хэлюем, когда Юньчан умер и сын Гоуцзянь взшел на престол, он стал юэским ваном» (пер. автора)⁹⁷. Имеется в виду то, что он, видимо, первым принял китайский титул «ван» (вы-онг): «В первый год правления уский ван Хэлюй услышал, что Юньчан умер и на радостях послал войска завоевать Юэ. Юэский ван Гоуцзянь послал воинов биться насмерть... Поскольку Юэ неожиданно напало на уских воинов, уские воины потерпели поражение у Цзяоли. Уский ван Хэлюй был ранен стрелой и умер. Его сыну Фуча сказали: “Нельзя забыть этого Юэ”» (пер. автора)⁹⁸. С этого времени и начинается смертельная схватка между У и Юэ, связанная с именами Гоуцзяня и Фуча. Что же касается тех, кто правил до них, то о правителях царства Юэ известно, как мы уже говорили, очень мало. Есть, правда, одна надпись на бронзе, где упоминается правитель Дэи, но когда он правил – неизвестно, и неясно, можно ли его отождествлять с Юньчаном, как это делает Цао Цзиньянь⁹⁹. Никаких доказательств в пользу этого нет. Имя Гоуцзянь встречается на бронзовых мечах неоднократно, что и понятно, так как он стал популярным героем фольклора. Если мечи не принадлежали ему лично, то, значит, его имя было популярно настолько, что оно появлялось на мечах независимо от их принадлежности.

Гоуцзянь правил 31 год (496–465 гг. до н.э.). В надписях на бронзе его имя передается так же, как Чжуцзянь (Чжуоцзянь)¹⁰⁰. С его правлением связаны следующие события: Фуча начал готовиться к войне, Гоуцзянь услышал об этом и хотел было нанести первый удар, однако его советник Фань Ли остановил его, утверждая, что война «противна добродетели»; тогда Гоуцзянь не послушал своего советника, и уский Ван разбил его при Фуцзяо. Сам Гоуцзянь с 5 тыс. воинов пытался обороняться в Гуйцзи, видимо, в своей столице, но был окружен. Тут, наконец, он прислушался к словам своего советника о добродетели и согласился подчиниться У, послав туда дафу (сановника) Чжуна¹⁰¹. Чжун (Чжуцзи Ин в «Го юе») уговаривает Фуча принять от царя Юэ мир и службу. Причем, несмотря на то что У-цзы Сюй, советник Фуча, был против, говоря, что борьба между У и Юэ обоснована экономическими причинами и нельзя упускать шанс уничтожить их, правитель Юэ все-таки соглашается на мир. Возможно, с этим связано опасение серьезного сопротивления со стороны Юэ, которое звучит в речи Чжуна: «Если царь (У) считает, что преступление Юэ нельзя простить, то тогда мы сожжем храмы предков, свяжем жен и детей и утопим их в реке, как и золото, и нефриты, а затем поведем

⁹⁶ *Сыма Цянь*. Ши цзи. Т. 2. С. 671.

⁹⁷ Там же. Т. 5. С. 1739.

⁹⁸ Там же. Т. 5. С. 1739–1740.

⁹⁹ *Цао Цзиньянь*. Цзи синь фасянь дэ Юэ ван Бушоу цзянь (О снова найденном мече правителя Юэ по имени Бушоу) // *Вэньу*. 2002. № 2. С. 69.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Сыма Цянь*. Ши цзи. Т. 5. С. 1740–1741.

пять тысяч воинов биться насмерть, и тогда их силы удвоятся, поэтому они станут как десять тысяч воинов сражаться за своего царя. Не поранят ли они тогда неизбежно тех, кого царь (У) так любит? Чем убивать этих людей, не лучше ли будет взять себе все (наше) царство?» (пер. автора)¹⁰². Фуча явно не поддавался на уверения Чжуцзи Ина о верной службе царя Гоуцзяня, скорее всего, у усцев были прагматические соображения. Непослушание же мудрым сановникам могло быть приписано и потом, после военной неудачи У. Гоуцзяню были оставлены небольшие владения: «Земель у Гоуцзяня осталось на юге – до Цзюй-У, на севере – до Юйэр, на востоке – до Инь, на западе – до Гуме, а всего вдоль и поперек – 100 ли» (пер. автора)¹⁰³. Точно не известно сколько земель осталось у правителя Юэ, однако Цзюй-У – это бывшая столица У, в районе р. Янцзы, т.е. достаточно далеко от оз. Тайху, к югу от которого находилось царство Юэ. Из этого мы можем предполагать, что, видимо, земель осталось не так уж и мало.

После этого Гоуцзянь начинает не только вести себя как «праведный правитель», в чем и «Го юй», и Сыма Цянь видят причину его успеха, но и проводить определенную социальную политику, причем следует отметить, что не военную, а именно социальную, призванную укреплять не столько армию, хотя и ее в конечном итоге тоже, сколько само население, вернее, его настрой. Это еще раз свидетельствует о том, что у и юэ действительно были одним народом, и Гоуцзянь имел целью заручиться поддержкой населения и обеспечить его приток в царство. Эта политика выражалась в том, что 10 лет «...он ничего не брал для казны, поэтому у народа накопились запасы пищи на три года, брал на содержание сирот, детей вдов, больных, бедных», стимулировал рождаемость: «...приказал ни одному крепкому мужчине не жениться на старухе, ни одному старику не брать в жены молодую, если дочь до 17 лет не вышла замуж, обвинить в этом отца и мать, если сын до 20 лет не женат, обвинить в этом отца и мать, велел докладывать ему о приближении родов и посылал лекаря принимать новорожденного, если рождался мальчик, посылал два кувшина вина и собаку, если рождалась девочка, посылал два кувшина вина и свинью, если рождалась тройня, посылал кормилицу, если рождалась двойня, посылал продовольствие, если умирал первенец, освобождал (семью) от повинностей на (срок траура в) три года, если умирал побочный сын, освобождал от повинностей на (срок траура в) три месяца, плакал на похоронах как о своем собственном сыне» (пер. автора)¹⁰⁴. Он проводил определенную популистскую политику: «Гоуцзянь ездил на лодке, нагрузив (ее) зерном и салом, кормил и поил всех встречавшихся по дороге мальчиков, спрашивал у них имена. Он ел лишь то, что сам сеял, надевал лишь то, что соткала его жена» (пер. автора)¹⁰⁵. Поэтому он добился того, что «отцы, старшие братья царства», т.е., видимо, зная, попросили разрешения отомстить за позор царя усцам¹⁰⁶. Согласно «У-Юэ чунь цю», Гоуцзянь был призван уским царем к своему двору и жил какое-то время там как пленник¹⁰⁷, оставив управление страной дафу (сановникам) Чжуну, Фань Ли и др. Как долго он там находился и когда он успел проводить свою популистскую политику, сказать трудно. Сыма Цянь поддерживает версию «Го юя», однако он сообщает, что Юэ снова решило выступить против У «через семь лет после того

¹⁰² Го юй. С. 677–678.

¹⁰³ Там же. С. 678.

¹⁰⁴ Там же. С. 679.

¹⁰⁵ Там же. С. 679–680.

¹⁰⁶ Там же. С. 679.

¹⁰⁷ Чжао Е. У-Юэ чунь цю.

как Гоуцзянь вернулся в Гуйцзи»¹⁰⁸. Следовательно, пленение все-таки в какой-то период было возможно, но, видимо, не надолго. В то время царство У начинает вынашивать планы дальнейших завоеваний против царства Ци, находящегося в Шаньдуне. Тогда У-цзы Сюй пытается убедить правителя, что, имея в тылу Юэ, не следует начинать эту войну, но правитель не слушает его. В результате чего У-цзы Сюй покончил с собой, приказав, согласно легенде, повесить свои глаза на восточные ворота столицы У, чтобы видеть вторжение юэсцев и гибель царства¹⁰⁹. Гоуцзянь, узнав о самоубийстве У-цзы Сюя, уже собирается напасть на Юэ, но Фань Ли отговаривает его – кстати, Фань Ли говорит: «Убили цзы Сюя», намекая на то, что это было не самоубийство, хотя здесь же у Сыма Цяня в предыдущем абзаце сказано о том, что У-цзы Сюй пронзил себя мечом сам¹¹⁰.

Только на 4-й год Юэ нападает на У, когда мудрый советник Фань Ли говорит ему, что время пришло. Видя свое поражение и понимая, что не может предводительствовать войском, Фуча совершает самоубийство со словами: «Я уже стар, не могу вести дела как правитель» (пер. автора)¹¹¹ и, естественно, сожалея о бедном У-цзы Сюе. В «Таблицах» Сыма Цяня под 478 годом до н.э., в графе царства У есть запись: «Юэ разбили нас», а под следующим 477 м годом – «В 23 году (царство У) было уничтожено» (пер. автора); если учитывать что 477 год – это 19-й год правления усюкого вана Фуча, то 23-й год его правления – это 473 год. Об этом же есть запись и в графе царства Чу под 16-м годом правления чуского Хуэй-вана: «Чу уничтожило У» (пер. автора)¹¹². Летопись «Чунь цю» заканчивается раньше этого события. Однако в один из последних годов этой летописи, в 13-й году правления луского Ай-Гуна (482 г. до н.э.), имеется запись: «Ююноэ вторглось в У» (пер. автора)¹¹³, что на девять лет раньше записи Сыма Цяня, следовательно, война не велась так быстро, как представлено в биографии Гоуцзяня; она продолжалась девять лет, видимо, с определенными периодами затишья, и только через девять лет, в 473 г., Гоуцзяню наконец-то удалось захватить царство У. За два года до этого, в 475 г., у Сыма Цяня говорится: «Юэ окружило У, У горевало» (пер. автора)¹¹⁴. В дальнейшем о Юэ есть еще только одна запись в «Таблицах», в главе о царстве Ци, относящаяся к 474 г.: «Люди Юэ впервые прибыли» (пер. автора), т.е. в 474 г. до н.э. юэсцы впервые вторглись в царство Ци¹¹⁵. После этого упоминания царство Юэ из «Таблиц» исчезают. Видимо, это связывается с тем, что заканчивается один из популярных легендарных сюжетов – борьба Гоуцзяня и Фуча.

О дальнейших событиях жизни Гоуцзяня Сыма Цянь сообщает лишь очень кратко. «После того как Гоуцзянь умиротворил У, послал воинов на север перейти реку Хуай (имеется в виду Хуайхэ. – С.Л.), вместе с правителями Ци и Цинь встретился в Сюйчжоу, преподнес дары Чжоу (т.е. Чжоуской династии. – С.Л.), чжоуский Юань-ван послал людей одарить Гоуцзяня, пожаловал ему титул бо (следующий после гунна. – С.Л.). Гоуцзянь уже ушел, перешел Хуай (двигаясь) на юг, передал (государству) Чу земли в верховьях Хуай (видимо, имеются в виду земли, завоеванные царством У. – С.Л.), вернул Сун земли, завоеванные у Сун У, вернул

¹⁰⁸ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1743.

¹⁰⁹ Там же. Т. 5. С. 1742–1744.

¹¹⁰ Там же. Т. 5. С. 1743–1744.

¹¹¹ Там же. Т. 5. С. 1745.

¹¹² Там же. Т. 2. С. 681, 689.

¹¹³ Чунь цю сань чжуань. С. 535.

¹¹⁴ Сыма Цянь. Ши цзи Т. 2. С. 688.

¹¹⁵ Там же.

Лу 100 ли к востоку от Ци. В это время воины Юэ пересекали (реки) Янцзы и Хуай на востоке. Все чжухоу (правители царств) поздравляли (его), дали звание правителя-гегемона (“бо ван”)» (пер. автора). Комментарий объясняет это так: «После того как Гоуцзянь усмирил У, чжоуский Юань-ван сначала сделал его бо, а затем вознаградил его заслуги, назвав ваном» (пер. автора)¹¹⁶.

После смерти Гоуцзяня «ему наследовал сын, ван Шиюй, после Шиюя был ван Бушоу, после Бушоу был ван Вэн, после вана Вэна – ван И, после вана И – ван Чжихоу, после вана Чжихоу – ван Уцзин. Все они приходились друг другу отцом и сыном» (пер. автора)¹¹⁷. Фактически от всех этих правителей у нас есть только список. В комментариях Со Ин имеется также указание на продолжительность правления. Если мы это сопоставим вместе, то получаются следующие даты после Гоуцзяня: Шиюй (464–459 гг. до н.э.) в надписях на бронзе выступает как Чжэчжи-Юйси или Чжихуй, годы правления 464–459 гг. до н.э.; Бушоу (в надписях на бронзе есть это имя), 458–449 гг. до н.э.; Вэн или Чжугоу, в надписях на бронзе встречаются Чжоугоу или Чжоу + нечитаемый иероглиф, 448–412 гг. до н.э.; И или Буян (в надписях на бронзе есть имена Чжэчжи-Бугуан, Чжибугуан, Бугуан, Чжэи или И, по крайней мере Чжэи и И точно следует связывать с этим правителем), годы правления 411–376 гг. до н.э. Чжихоу и Уцзина в надписях на бронзе нет, зато есть имя правителя: один нечитаемый иероглиф + Бэйгу или же нечитаемый иероглиф + Бэй¹¹⁸. По-видимому, имя этого правителя относится к Уцину либо к Чжихоу – последним двум правителям царства Юэ, или же к какому-то отсутствующему в списках правителю. У последних ванов даты правления установить трудно. Ясно только, что Уцзин правил до 333 г. до н.э., когда царство было покорено Чу. К правлению Уцзина относится последний эпизод, описанный у Сыма Цяня. В «Юэ цзюэ шу» говорится, что «до Уцзина были гегемоны, назывались ванами, после него ослабли, стали называться повелителями (цзюньчжан)» (пер. автора). Получается, что гегемония сохранялась на протяжении более полутора сотен лет, что, однако, сомнительно: если бы это было так, то сведений о царстве Вьет на Среднекитайской равнине было бы немного больше.

Однако значение этого царства, имевшего огромную территорию вплоть до Шаньдуна, действительно был велико, пока в 333 г. оно не было завоевано и подчинено Чу. Кстати, в «Ханьской истории» Бань Гу, в разделе «Географических записей» имеется еще одна запись о Гоуцзяне: «Ланъя: юэский ван Гоуцзянь часто управлял отсюда, воздвигнув дворец на возвышенности, есть Храм четырех времен года» (пер. автора)¹¹⁹. Комментарий сообщает следующее: «(Янь) Шигу говорит, в “Шань-хай цзине” сказано: “возвышенность Ланъя находится к востоку от Ланъя”» (пер. автора)¹²⁰.

Во времена вана Уцзина, согласно Сыма Цяню, «Юэ посылало воинов на север сражаться с Ци, на запад – сражаться с Чу, воевать на границе Срединных государств» (пер. автора). Когда настало время чуского Вэй-вана (339–329 гг. до н.э.), Юэ на севере напало на Ци¹²¹, циский Вэй-ван (356–320 гг. до н.э.) якобы послал посла к юэскому вану, подстрекая его напасть на Чу, говоря: «то, что Юэ не нападает на Чу, (означает) он невелик, как ван, и не мал, как бо, то, что Юэ не нападает

¹¹⁶ Там же. Т. 5. С. 1746.

¹¹⁷ Там же. Т. 5. С. 1747.

¹¹⁸ Цао Цзиньянь. Цзи синь фасянь... С. 69.

¹¹⁹ Бань Гу. Хань шу. Т. 6. С. 1586.

¹²⁰ Там же. С. 1587.

¹²¹ Сыма Цянь. Ши цзи. Т. 5. С. 1748.

на Чу, не даст ему получить Цзинь» (пер. автора)¹²². Независимо от того, факт ли это или притча (что вполне возможно), но юэскому вану идея понравилась, и он напал на Чу, выведя войска из Ци, и, видимо, в союзе с Ци потерпел поражение. Впрочем, Ци не было мощным царством.

Вот как описывает это Сыма Цянь: «Тогда люди Юэ вышли из Ци и напали на Чу, чуский Вэй-ван и его воины сражались с ними, нанесли большое поражение Юэ, убили вана Уцзина, полностью захватили бывшие земли У до реки Чжэцзян, на севере разгромили Ци при Сюйчжоу, а юэ после этого рассеялись. Все их роды начали враждовать, некоторые назвались ванами, некоторые цзюнями (властителями), переправились за море к югу от реки Янцзы, восстановили династию в (под властью) Чу» (пер. автора)¹²³.

Каковы бы ни были причины войны с Чу, очевидно, что она была неизбежной. Огромное территориальное царство Юэ должно было столкнуться с другим огромным по территории царством Чу в борьбе за Среднекитайскую равнину. Как мы видим, китайские царства были слабы и в особенности после распада царства Цзинь в 403 г., земли которого достались Хань, Чжао и Вэй. Фактически ни одного сильного государства на Центральнокитайской равнине не осталось вообще, началась борьба за цзиньское наследство. Крупные окраинные некитайские царства – Юэ, Чу и Цинь – начинают последнюю схватку между собой за подчинение долины р. Хуанхэ. Первым в этой борьбе потерпело поражение Юэ, и в результате обширная территория Восточного Китая от Чжэцзяна до Шаньдуна досталась Чу, которое образовало огромное государство от Шаньдуна на севере до Гуандуна на юге (сам Гуандун не входил в его пределы). Однако затем царство Цинь, другое царство, усвоившее китайскую культуру и китайские ценности и стремившее объединить тогдашний идеологический центр – Поднебесную под своей властью, столкнулось с Чу. В результате этой борьбы победительницей оказалась империя Цинь, правитель которой Цинь Ши-хуан объединил долины Хуанхэ, Янцзы и создал сверхкрупное территориальное государство – империю. Впервые возникло государство, охватывавшее большую часть территории современного Китая.

Таким образом, китайские исторические хроники дают лишь незначительные сведения об обычаях и религии, экономической жизни этого государства. Тем не менее практически все эти данные в той или иной степени подтверждаются материалами археологии, хотя при этом возможны некоторые искажения, например, данные об отсутствии повозок. В принципе, повозки действительно были не очень популярны, но они все-таки использовались. Письменные источники здесь могут служить дополнением к археологическим данным, но без материалов археологии практического значения не имеют.

Что касается политической истории царства Вьет, то она в большей степени реконструируется по данным письменных памятников, хотя они останавливаются лишь на отдельных эпизодах, не давая полной картины, многие же моменты, особенно в древней истории царства Вьет, в них не затрагиваются совсем, ряд событий искажен идеологией, другие же может подменять мифология, например, миф о Юэ здесь заменяет всю раннюю историю царства Вьет, и нам совершенно не известно, какие политические события в нем происходили.

Очень хорошо освещается небольшой отрезок времени, совпадающий с правлением, по-видимому, первого гегемона из царства Вьет – Гоуцзяня, возможно, и

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 1751.

последнего гегемона. Ярko описывается его борьба с У, отчасти его политические и экономические реформы, ставшие причиной его победы над усцами. Здесь информации много, даже в морализаторских речах правителей и сановников проскальзывает полезная информация. В период правления Гоуцзяня Юэ становится мощным государством, крупным территориальным царством-гегемоном, оказывающим сильное влияние на соседей, однако, судя по всему, борьба Юэ за гегемонию началась до Гоуцзяня, когда мы уже видим активные войны с У, участие в политических союзах с Цзинь и другими царствами Среднекитайской равнины. Гоуцзянь, став гегемоном, усилил связи с китайскими государствами, перенес столицу поближе к ним в Шаньдун, в Ланъя. По-видимому, только подчинив У, Юэ приближает свои границы к китайским царствам и начинает по-настоящему активно участвовать в их политической жизни, занимая в ней ведущие позиции. Безусловно, роль царства Вьет в общекитайских делах была велика и после смерти Гоуцзяня, хотя бы потому, что по своим размерам это было одно из самых крупных территориальных царств наряду с Чу.

Однако после Гоуцзяня жизнь царства Вьет в китайских источниках опять практически не освещена, есть лишь список царей, правда, более полный, чем до Гоуцзяня, и подтверждающийся археологическим материалом¹²⁴. Кроме этого списка нам почти ничего не известно, вплоть до последнего правителя Уцзина, хотя, без сомнения, следующие после Гоуцзяня цари играли не менее важную, пусть и менее активную роль, чем сам Гоуцзянь – основатель огромного территориального царства, и вся восточная прибрежная часть Китая принадлежала им, вплоть до того времени, когда была отвоевана Чу. Речь идет об экономически очень важном, исключительно плодородном районе, где возникали ранние цивилизации – от Лянчжу на юге до Луншаня в Шаньдуне; это район, богатый полезными ископаемыми, в том числе и медью, что тоже подтверждается, хотя и косвенно, письменными источниками, которые говорят о том, что эти области стали местом производства лучшего оружия благодаря своим природным условиям. Более того, пояс от Шаньдуна до Чжэцзяна фактически был почти единственным выходом Поднебесной к морю, т.е. к морской торговле, именно регион царства Юэ играл в этом решающую роль. Вьеты в то время были народом, тесно связанным с морем. Об этом говорят данные археологии (прежде всего существовавшая на огромных пространствах от Китая до Индонезии донгшонская цивилизация), из которых, безусловно, следует, что царство Вьет входило в эту экономическую и культурную общность, являясь, к тому же, звеном, связывающим морские цивилизации островной и континентальной Юго-Восточной Азии с материковой цивилизацией китайцев, будучи носителем вьетской культуры и также усвоившим китайскую.

Тем не менее информации об этом крупном государстве в китайских источниках практически очень мало. Возможно, это вызвано тем, что оно являлось наглядным примером несоответствия концепции Поднебесной, в которой степень усвоения китайской культуры определяла связь с Небом и соответственно успехи государства и его правителя, а носителям китайской (шанской, затем чжоуской) культуры придавалась исключительность. Успехи царства Вьет на Среднекитайской равнине в эту концепцию не вписывались и, следовательно, были неприемлемы для конфуци-

¹²⁴ Тот факт, что неполный царский список до Гоуцзяня археологическим материалом не подтверждается (исключение составляет его отец Юньчан), вовсе не означает его вымышленность, а свидетельствует только о том, что в этот период вьеты еще не использовали китайскую письменность.

анской идеологии. Поэтому для утверждения правильности этой идеологической концепции необходимо было ограничить и просеять информацию о царстве Вьет. В составленных эпизодах, насколько это возможно, царство Юэ было представлено государством, следовавшим конфуцианской доктрине и тем правилам игры, что и другие царства Китая. Соответственно в этом виде эпизоды из истории царства Юэ были не опасны, так как концепции исключительности китайской культуры не нарушали. Взлеты же и падения царства Вьет легко объяснялись следованием и неследованием конфуцианской морали. Судя же по данным археологии, свидетельствующим о том, что царство Вьет практически не было затронуто китаизацией, едва ли конфуцианская мораль была известна его правителям и сановникам. Скорее всего, ими руководили какие-то свои политические и религиозные принципы, о которых мы не знаем, поэтому причины поражения царства Вьет до конца не ясны. Известно лишь, что в борьбе с царством Чу царство Юэ оказывается слабее и терпит поражение.

Таким образом, китайские письменные источники не позволяют нам реконструировать политическую историю царства Вьет. Содержащаяся в них информация невелика по объему, там приведены только список правителей и некоторые обрывки исторических сведений. Для пополнения этой информации необходимы косвенные данные археологических раскопок, которые могут создать канву для понимания динамики развития государства Вьет, а фрагментарные сведения письменных источников в состоянии лишь дополнить и уточнить эту картину. С другой стороны, письменные источники дают вполне точную картину повседневной жизни и традиций жителей царства Вьет, согласующуюся с археологическим материалом, почти не искаженным идеологией. Однако данных об обычаях и жизни царства Вьет явно недостаточно, чтобы объяснить основные явления духовной культуры этого царства.

Дальнейшее исследование духовной и политической жизни царства Вьет невозможно лишь на основе углубления анализа письменных источников. Только продолжение археологических раскопок и анализ археологического материала, а также привлечение данных этнографии могут пополнить информацию о духовной и политической истории царства Вьет. В этом, по нашему мнению, и заключается основа современной методологии древней истории – в переходе от чистого анализа нарративных памятников к междисциплинарным научным исследованиям.

HISTORY OF VIET KINGDOM: WRITTEN SOURCES AND THE PROBLEM OF HISTORICAL RECONSTRUCTION OF REAL EVENTS

S. V. Lapteff

The ancient Viet (Yue) Kingdom was an important and powerful state to the South of the Yangtze in the 1st millennium B.C. that differed from the ancient states of the Huang-Ho Valley in ethnicity and culture. On the material of ancient Chinese texts in comparison with archaeological data the author tries to reconstruct the main traditions and aspects of spiritual culture together with the political development of its country and people. Unfortunately, the insufficiency of written historical sources limits our knowledge about the ancient Viet Kingdom, that is why the author proposes an interdisciplinary approach which can help as the most effective one in the research of the history of Viet Kingdom and its people.